

Творчество Ирины Фадеевой

В стихах все выглядит иначе:
Возвышенно и драматично.
А в жизни я от боли плачу
Так некрасиво, так обычно.

Прильну распухшими губами
К воде холодной из-под крана.
Из зеркала в нелепой раме
Глаза заплаканные глянут.

Прищурюсь им в ответ нахально,
С самоиронией обычной,
В стихах все выглядит иначе -
Возвышенной и драматичней.

Маки расчихлили лепестки,
На ветру трепещут, словно флаги.
Надевают вновь фронтовики
Ордена за Будапешт и Прагу.

С каждым годом их все реже строй.
В песнях не стареют ветераны.
В жизни их навывлет бьют порой
Черной злобой, подлостью, обманом.

Наше право, наш священный долг
Сделать так, чтобы остались дольше
Жить под этим небом те, кто шел
По России, Венгрии и Польше,
Кто собой прикрыл нас на Днепре,
Выстоял на Волжской переправе,

Мы – их продолженье на земле,
И об этом забывать не вправе!

Маки расцвели лепестки,
Солнцу салютуют, словно стяги.
Надевают вновь френтовики
Ордена бессмертья и отваги.

В военной хронике она отца узнала.
Какой-то смутно-памятный боец
Показан крупным планом был сначала,
Потом шагнул навстречу ей.

«Отец!» - Мать побелевшими губами прошептала
И опустилась в кресло тяжело.
А он неслышно сделал самокрутку,
Взглянул с экрана пристально и мудро,
И улыбнулся ясно и светло.
Каким был дед мой в жизни я не знала.

Первая мысль: так уже было.
В памяти бешеный бег дат:
Зою уже однажды убили,
Сорок лет назад.

Было больно, больно, как будто
Это меня вели на казнь.
А над землей поднималось утро,
И воронье кричало, смеясь...

Хаты смотрели, сдвинув на окна
Старые шляпы соломенных крыш.
Кто-то в толпе испуганно охнул,
В чьих-то руках забился малыш.
А над планетой – Звенящая тишь...

Слышу в шорохе свежих газет
Вой «фантомов» и взрывы гранат.
Будто не было страшных лет,
Словно выдумка – Бухенвальд.
Вновь нацисты чеканят шаг,

Руку тянет второй Адольф.
Вновь мечтают о лагерях,
О господстве над всей землёй.
Гарью, порохом пахнет строка,
И ракеты нацелены ввысь,
А над миром плывут облака,
Что из слёз матерей родились.

За окном морозным
Тихо таял вечер.
В нашем старом доме
Зажигали свечи.

Слёзы стеаринове
Каплями стекали.
Тени, словно призраки,
На стенах дрожали.

Кольца обручальные
Мы с тобой надели.
Ёлка тоже в кольцах
Бус и канители.

Праздник предвещали
Запахи и звуки.
Над столом летали
Тоненькие руки.

Чашки расставляли,
Наливали чаю.
С тихим перезвоном
Там часы стучали.

Пахло мандаринами,
Ёлкой и корицей.
В этом старом доме
Вновь бы очутиться.

Чтобы постепенно
Догорали свечи.
Чтобы ночь счастливая
Вновь сменила вечер.

Бояться стала я зеркал:
Их неподкупность не обманет,

Их беспощадность больно ранит
И убивает наповал.

С иными мерками к делам
Я подходить недавно стала.
Тебя низвергла с пьедестала,
Который ты воздвигнул сам.

Иными мерками слова
Твои я научилась мерить,
Но с неизбежностью потери
Душа смирилася едва.

Я избегаю редких встреч:
Они, как смутный отпечаток
Того, что нужно бы сберечь,
Но что на торжище распято.

К черту сны!
Снова снится:
Ты приходишь из знойного лета.
Шлемофон запыленный
Устало бросаешь на стол.

Говоришь, что устал,
Что полеты опять до рассвета,
Что ромашки степные
По курганам давно отцвели,
Потому не принес.
А ресницы – такого забытого цвета,
Как тычинки цветка.
К черту сны!

Спят усталые дома,
Спят давно игрушки,
Только мальчик мой не спит,
Руки под подушкой.

Крепко сжаты в кулачке
Медные патроны,
Два значка, В другой руке –
Стеклышко зелёное.

Говорит: живот болит,
Ручки, спинка, глазки...

Знаю: он опять хитрит,
Снова ждет он сказку.

И, покачиваясь в такт,
Сказку начинаю.
Может что-то в ней не так,
Я ведь засыпаю.

- Баю-бай, баю-бай,
Глазки, мальчик, закрывай
Придет рыжая лиса
- Злая?

- Нет, не злая. Унесет с собой в леса...
- Я ее поймаю.

Дождик бродит по дороге,
У него смешные ноги,

- Как у Вовки?

- Да, такие.

- Голе-на-а-стые!

- Осень станет листья красить...

- Как в раскраске?

- Как в раскраске. У нее не хватит красок.

- Я дам краски!

- Ты дашь краски! Горе моё, спи!

- А про горе знаешь сказку?

- Знаю сказку.

И дневная кутерьма уплыла куда-то.

Кажется, что вся земля
тишиной объята.

Остался дым воспоминаний.

Был ряд счастливых дней,

Которым рад,

И свет забытых глаз,

И след страданий -

Остались нам.

Достались нам.

Остались в нас.

Сонно дышит море.

В голубых ладонях

Сказочных предгорий
Дремлет Кара-Даг.

С набережной тёмной
Дворники сметают
Суету дневную
Ключьями бумаг.

Не скрипят качели.
Замерли шезлонги,
Пожиратель денег –
Жёлтый автомат –

Огоньком мерцает.
Будет ночь недолгой.
Утром – снова горы,
Небо, солнце, море,

Планерское, отпуск...
Ах, как ещё нескоро!
А пока что горы,
Залежи тетрадей
На моём столе.

Как прибой - ошибки,
Как флажки – чернила.
Красное на синем –
Буи на волне.

Письмо

Но вот и дождалась.
Прислал мне сын письмо.
В нем: «Что ты делаешь без нас?
Мы по тебе скучаем».

Мой мальчик стал большим
А на душе печально,
Как будто первое письмо
Мне предвещает – уже сейчас -
Вдали разлуку с ним.
Ведь знала, что рожают сыновей,
Чтоб в дни тревог Отчизну защищали.
Так отчего же так сейчас печально
И с каждым годом эта боль острее?

Ромашки в белых сарафанах
Как будто собрались к венцу.
И пахнет горько, терпко-пьяно:
То лето близится к концу.

Там бабочка в раскрытую ладонь
Роняет невесомую пыльцу,
Там паутина серебристою струной
От яблони протянута к крыльцу.

Там пахнет свежескошенной травой,
Гречишным медом, липами в цвету,
Росистым утром, ключевой водой
И манной кашей, от которой я расту.

Там пахнет мамой, «Красною Москвой»,
Оладьями, шуршащим крепдешинном,
Планшет там пахнет кожей дорогой,
И папой, и военной машиной.

Там солнечные зайчики живут
На стенах не простые, а цветные.
Меня там детским именем зовут,
И только если сердятся – Ириной:

«Бельчонок, хватит прыгать! Стынет суп,
Пора поесть!». А я совсем устала:
Полдня сегодня я шатала зуб молочный,
В речку камешки швыряла,

Сложила стеклышки: не просто – по цветам,
Прозрачные отдельно от фарфора.
Мне спать пора. Там пахнет чистота
Подушкой с тонко вышитым узором.

Мы оставляли мокрые следы,
Бродя по берегу в неверии и вере.
Мы – дети беспокойные воды,
С тобой проститься мы пришли на берег.

Кто мне теперь расскажет про меня,
Утешит кто, и кто печаль развеет?

Мы – дети неумные огня,
Он все сожжет, и ветер прах рассеет.
Вот так и будем жить:
Куски беды, обрывки счастья
Нам судьба дала.
Мы – дети бестолковые земли,
Меняющие души на тела.

Дом Волошина

Скрипучие ступени – путь в простор.
Распахнут дом навстречу всем ветрам.
Взгляд Нефертити – будто приговор
Теченью времени, событиям и векам.
На фолиантах – пыль. То прах времен.
Засохли кисти. Выцвел гобелен.
В коробке – «Магги – кубики. Бульон».
Давным-давно он превратился в тлен.
Степной полыньей дышат ветры с гор,
Безмолвно тени бродят по стенам.
Волошин, в море устремив свой взор,
Стихи читает чайкам и ветрам.

Разбежаться, оттолкнуться,
В небо взмыть, к земле вернуться.

Зубы сжав, молчать, терпеть,
Зная: можно улететь.

Разбежаться, оттолкнуться,
В небо взмыть – и не вернуться.